

Два урожена среднеазиатской республики ставили новый дом председателю поселкового совета. Сам заказчик прожил с семьей в областном центре неподалеку, но после окончания стройки собирался перебраться в родные края. А пока ежедневно навещался на своем белом ауди по председательским делам, заодно проверяя темпы работы и пополняя гастарбайтерам запас продуктов. Залогом добросовестности нанятых шабашников председателю служили отобранные у них на время паспорта. Трудолюбивые, согласные на любую работу южане почти закончили стелить черепичную крышу над вторым этажом строения. По ночам они оставались на стройке уже в качестве сторожей, чтобы никто из местных не польстился на остающиеся материалы. В этой истории они сыграли эпизодичную и малозначимую роль, на их месте мог оказаться любой другой, потому имена и паспортные данные совершенно не важны. Впрочем, вежливости ради и для удобства можно означить их Джамшутом и Равшаном, они не обидятся, тем более не узнают, потому как успели давно покинуть территорию нашей страны.

Рядом со стройкой убого притулилась совершенно не жилого вида деревянная развалюха. Подтверждая дневное впечатление, по ночам за ее наглухо закрытыми ставнями не светило ни одного огонька. Но и засветло строители не замечали ни малейшего движения за покосившимся некрашеным забором из потемневших от времени досок. В мрачном домишке явно давно никто не обитал.

Привозимые заботливым работодателем рыбные консервы, помидоры, огурцы и хлеб из местной пекарни не могли заглушить грезы Джамшута и Равшана о настоящем плове, мастерами по приготовлению которого оба являлись, как и положено настоящим мужчинам их рода и племени.

Такие несбыточные пока мечтания и подвигли обоих однажды с наступлением темноты сигануть через соседскую изгородь. Они уже хорошо знали, что никаких собак, несмотря на видневшуюся рядом с хибарой конуру, на участке не водится, но впервые решились на подобное только этим вечером. В надежде поживиться чем-то съедобным на огороде посветили фонарем, чтобы убедиться: там, где в лучшие времена, должно быть, находились грядки, теперь густо поднимались одни сорняки. Никто их давно не выпалывал, не поливал, да и зачем, если ничто полезное здесь точно с весны не высаживалось.

Уже оказавшись на ветхих и скрипучих ступенях крыльца, приятели намеревались поковыряться гвоздем в навесном амбарном замке, когда тот, что пониже ростом, ну, пусть будет Равшан, по какому-то наитию обнаружил под стареньким изодраным половичком великодушно оставленный ключ. Так что внутрь проникли без хлопот, как бы ответив на любезное приглашением отсутствующих жильцов. Чтобы привлечь внимание случайных любопытных, незваные гости, разумеется, не

собирались включать освещение, да и пробки наверняка были вывернуты неведомыми хозяевами, которых они так и не видели за все время строительства. Для осмотра им вполне хватало того же предусмотрительно прихваченного фонарика.

Никаких следов съедобного или ценного обнаружить не удалось, царившее внутри пыльное запустение окончательно подтверждало: здесь давно никто не живет. Но с самого начала, едва отважные исследователи ступили через порог, ими ощутился неприятный густой запах, будто где-то в комнатах сдохла кошка. Пришлось даже прикрыть носы рукавами рубашек, что, впрочем, мало помогло. По усилению вони нашли торчащую из-под застеленной выцветшим одеялом кровати человеческую ступню. Смердящим источником оказалось черное ссохшееся тело человека, мужского пола, если не считать одной единственной старой кроссовки, совершенно голое. Не возникало сомнений, что разложившийся и начавший мумифицироваться покойник пролежал тут не один месяц. Незадачливых следопытов поразило отсутствие мышц и кожи на белеющих костях ног и рук, одного из них, неважно кого по имени, тут же стошнило рядом с останками.

Естественным позывом испуганных гастарбайтеров было немедленно бежать прочь. Между ними возникла яростная словесная перепалка на родном языке, в результате которой верх одержал более разумный и рассудительный Джамшут. Ему удалось убедить товарища не поддаваться панике, чтобы не навлечь гораздо больших неприятностей. Воспользовавшись оставленным для связи дешевым мобильником, они немедленно сообщили о страшной находке работодателю, который в матерных выражениях велел ничего больше не трогать в доме и оставаться на месте до его приезда.

Уже минут через сорок, присоединившись к честной компании, рассерженный председатель поселкового совета ввернул пробки и при ярком свете обследовал место возможного преступления. Сообразил, что ругать за излишнюю инициативу не в меру любопытных гастеров, и так напуганных до смерти, сейчас нет смысла. Внушительно втолковывал дальнейшие действия для всех и немедленно вызвал полицию.

Прибывшим оперативникам он пояснил, что сам разрешил переночевать наемным рабочим в давно пустующем «бесхозном» доме по соседству. Представил их паспорта и охарактеризовал как старательных и законопослушных работников. И поскольку глава местного совета пользовался у правоохранителей известностью и безусловным авторитетом, вопрос о незаконном вторжении на чужую жилплощадь решили пока не заострять, а сосредоточиться на выяснении обстоятельств возможного убийства. После подписания протокола Джамшута и Равшана отпустили под поручительство их работодателя.

Вспышки фиолетовых маячков на двух полицейских фургонах и яркий свет во дворе внезапно пробудившейся пустовавшей до того хибары привлекли с десяток живущих по-соседству, рядом крутились и подростки. Один из них сумел проникнуть в дом и рассмотреть труп, прежде, чем постороннего обнаружили и вытолкали вшаей. Зато по его утверждениям, которые немедленно разошлись по поселку, он успел признать в почерневшем высохшем мертвце сына хозяйки брошенного жилья. Он клятвенно уверял, что вместо рук и ног покойного остались одни кости без кожи и мышц с поперечными зарубками от топора или мясницкого ножа, которым их зачищали от мякоти.

Прежняя владелица дома, бабушка Расима, хорошо известная в поселке, много лет проживала одиноко, пока к ней внезапно не вернулась дочь Адия, да не одна, а с десятилетним сыном Зинуром. Эту уже ставшую сорокалетней женщину успели забыть за годы ее отсутствия с молодости, а уж о мальчишке и его отце никто и понятия не имел. Бабуля не шибко обрадовалась прибытию наследничков, ко всему прочему, она давно страдала каким-то психическим расстройством, от которого по несколько месяцев почти каждый год лечилась в областной психбольнице.

Воссоединенная семья прожила вместе недолго, после очередного срыва помещанную Расиму, выглядевшую гораздо старше своих лет, снова забрали на стащеление. Оттуда старуху доставили уже холодной и недвижимой, да и то всего на одну ночь перед похоронами. Седобородый самоучка из соседнего села, небескорыстно исполнявший для мусульманских жителей поселка обязанности уже несколько лет отсутствовавшего муллы, как положено, несколько часов читал над ней суры корана. Наутро мужчины отнесли покойницу на кладбище в приготовленную могилу.

Адия осталась одна с мальчишкой, привела в порядок хозяйство, прикупила кур и петуха, вскопала огород, высадила рассаду и даже подыскала себе работу на местной почте. Сын ходил в школу, но учился без охоты и кое-как, завел компанию с местными хулиганами, и часто учителя в воспитательных целях требовали прихода его матери. Тем не менее, он умудрился ни разу не остаться на второй год, скорее всего, педагоги просто не хотели портить из-за него показатели успеваемости, что было совершенно не в их интересах.

В старших классах Зинур уже не только курил дешевые сигареты, но и баловался анашой, чего даже ни от кого не скрывал. Частенько попадал в различные драки, не только в школе и поселке, но даже в соседнем селе.

Как ни странно, сам рыжеволосый паренек выглядел хлипким, вовсе не спортивным юнцом с длинными нескладными руками, все больше сутулившимся по мере роста. Словно именно про него говорилось: «бодливой корове не дали рога». Тем не менее, вовсе не к радости Адии, как выяснялось, обычно он оказывался главным зачинщиком, хотя постоянно ему и перепало синяков и шишек по справедливости гораздо больше прочих драчунов.

Мать, скрепя сердце, не только давала ему деньги на курево, но и разрешала дымить в доме, надеясь, что благодаря этому подросток станет меньше шататься на стороне со своими непутевыми приятелями.

Уже в классе десятом, когда после очередного выкуренного косячка Зинур завалялся на кровать в грязных кроссовках, она не выдержала и принялась отчитывать напрочь распоясавшегося недоросля. И угодила, что называется «под горячую руку», здорово он ей приложил кулаком по глазу, субтильная Адия отлетела на два метра, не сразу поняв, что произошло, только искры из глаз посыпались. Выходит, пригодилась ему против родной матери навыки, усвоенные в драках. Она сообразила: уже никогда ей не справиться с ним, как прежде, и проплакала без сна всю ночь. На любопытные распросы соседок и почтовых сотрудниц без запинок поясняла потом, будто ударилась в темноте об угол полки на кухне.

На ее беду сынку понравилось показывать таким образом власть над матерью, новые побои не замедлили себя ждать. Иногда ему и никакого предлога не требовалось. Конечно, многие догадывались об истинной причине все новых синяков на лице и руках незамужней односельчанки, к тому же, небеспричинно подозревали, что соседский хулиган уже не ограничивается анашой. Но никто не хотел лезть в чужую жизнь, никому не было до того дела, даже на работе, на почте все делали вид, словно не замечают получаемых несчастной женщиной побоев. За время после возвращения в поселок Адия так ни с кем особо и не сблизилась, держалась особняком, а всех школьных подруг растеряла, кто уехал, кто умер, а кто просто не хотел с ней общаться.

Зинур же наглел все больше, и теперь требовал у матери денег, уже не только на курево. Потом вовсе перестал утруждать себя обращениями к ней, без лишних слов забирал то, что находил. Однажды, пока Адия была на работе, привел в дом таких же неадекватных приятелей-оторв, вместе передушили всех кур и продали в городе на базаре.

Заявился только следующим вечером, как ни в чем не бывало. Мать снова не смогла выдержать и попыталась криком и затрецинами вразумить отбившееся от рук

чадо. В этот раз он не только свалил ее на пол и разбил в кровь лицо, но и зверски истоптал Адию ногами так, что она несколько дней не могла ходить и отлеживалась дома. Пока выздоравливала, место на почте оказалось занято.

После этого односельчане не раз замечали, как она громко разговаривает сама с собой, бредя по улице, не обращая никакого внимания на окружающее. За несколько километров от поселка находилась городская мусорная свалка и туда Адия ходила теперь каждый день, как на работу, возвращаясь с пластиковыми пакетами, полными просроченных консервов, начавших портиться овощей, фруктов, черствых буханок хлеба.

Конечно, такая «золотая жила» давно оказалась поделена между постоянно там обитавшими и кормившимися с нее завсегдатаями. За нарушение чужой территории запросто могли не только побить, но и жизни лишить. Однако никто не хотел связываться с сумасшедшей, а именно такой она теперь всем представлялась даже при беглом взгляде. Но находились среди них и такие, которые просто жалели вечно понурю Адию.

Непутевому Зинуру удалось все же закончить школу, никакой специальности он так и не получил, нигде не работал, да и не хотел этого. Даже сходить наловить рыбы или раков на ближайшую речку ему было «в лом». Иногда с приятелями сдавали в пункт приема срезанные где-то медные и алюминиевые провода, пустые бутылки, банки из-под пива, даже разбитые ими же крышки с канализационных люков. Разумеется, домой ничего из получаемых за такое «предпринимательство» денег не попадало. При попытке украсть ограды с местного кладбища они были пойманы и жестоко избиты разгневанными родственниками покойных. Было даже заведено уголовное дело, но у одного из шалопаев родной дядя оказался крупной шишкой в полиции, благодаря чему расследование так и не довели до конца.

Новое занятие матери вполне устраивало бессовестного оглоеда, большая часть приносимого ею с мусорки перепадала прежде всего ему.

Но как-то в сильно дурном настроении он увидел мать, впервые вернувшуюся с пустыми руками. В этот день свалку огородили колючей проволокой и выставили охрану с помповыми ружьями. Приезжие московские предприниматели выкупили ее у местной администрации и установили свои порядки. Никто теперь без определенной платы не мог зайти на практически бесхозный до того клондайк, тем более, вынести что-то оттуда без разрешения новых хозяев. Адию даже близко к колючке не подпустили.

Разумеется, сынок этого еще не знал, но виноватый вид пришибленной родительницы, посмеявшей ничего не принести в дом, взбесил его до крайности. Затравленный токсинами и без того неправильно работавший мозг подсказал ему единственное решение. Безо всяких предисловий одним ударом сбил ее с ног и так же молча с остервенением принялся мутузить ногами уже недвижимое тело, пока сам не выдохся. К этому времени она уже перестала ойкать и валялась на полу без сознания. Трясущимися руками юный негодяй подобрал завалившийся под стол засохший бычок сигареты и прикурил от недавно принесенной матерью дешевой зажигалки.

Когда она пришла в себя, то по резкой боли в груди догадалась, что на этот раз сломаны ребра. За окнами ступилась темнота. Едва не убивший собственную мать сынок храпел, уткнувшись в грязную подушку без наволочки. Не зажигая света, она постояла у кровати, слушая мерзкие звуки, мучительно размышляя, как поступить дальше. Потом, преодолевая боль, осторожно дотащилась до сеней, засветила лампочку, отыскала давно затупленный, тронутый ржавчиной топор.

Как заведенный автомат, вернулась к постели когда-то рожденного ею единственного ненаглядного малыша, незаметно выросшего и превратившегося в готового ни за что убить ее же саму зверя. Падавшего от входной двери света оказалось достаточно. Не примериваясь, она резко хрястнула обухом точно по ставшему ненавистным затыл-

ку, вложив в удар последние силы. Не сразу поняла, что раздавшийся короткий вскрик, вырвался из ее собственного горла, сам же мучитель не успел проронить ни звука, только подушка под его головой быстро потемнела, пропитавшись кровью.

Утром, стараясь не обращать внимания на невыносимо без перерыва нывшие ребра, Адия туго перевязала под фланелевым халатом грудь свернутой простыней и занялась генеральной уборкой. Всякий раз, выходя во двор вешать постиранное белье, напевала вслух что-то зазорное. Такой веселой соседи ее никогда еще не видели. Позже, управившись по дому, сходила в частный магазин на соседней улице и на чудом утаенную от сына заначку накупила муки, дрожжей, масла и литровый пакет дешевого крепленого вина. Придя домой замесила тесто, стиснув зубы от непрекращающейся боли, поменяла пустой газовый баллон на запасный и заодно занялась чисткой посуды и плиты.

В последующие дни ее можно было встретить со старой хозяйственной сумкой на конечной остановке маршрутных такси за километр от дома или ковылявшей по ведущей туда асфальтной полосе. У пересечения с основной трассой, на пяточке возле застывших между рейсами пассажирских газелей она бойко предлагала перекусить тут же охотно соглашавшимся водителям.

Там же, на обочине уходящего к областному центру шоссе стояло построенное несколькими годами раньше одноэтажное здание закусочной. В небольшом помещении с несколькими столиками можно было поесть горячего не только шоферам, но и всем проезжавшим мимо, а то и посидеть, просто укрыться от непогоды, посмотреть экран телевизора на стене. К услугам тех, кому не требовалось садиться за руль, всегда имелаась дешевая водка и разливное пиво. Но с недавних пор забегаловка закрылась, входную дверь крест-накрест забили досками. Хозяин-предприниматель безвылазно увяз в долгах и банковских кредитах, не покрываемых недостаточной выручкой. Судебные приставы основательно вычистили внутреннее убранство, вплоть до настенного телевизора. Водителей навсегда лишили удобного пристанища для передышки между рейсами.

Некоторые местные жительницы тут же проявили инициативу и прямо под открытым небом у заколоченного входа в закусочную начали бойко предлагать завтраки и обеды домашнего приготовления. Теперь перекус шоферам приходилось чаще устраивать прямо в cabina маршруток, но и это было лучше, чем ничего.

Появлению новой конкурентки успешно освоить эти услуги вовсе не обрадовались, тем более, приносимые ею беляши сбивали цену и шли на ура. Большинству водителей они пришлось по вкусу и разбирались в первую очередь. За день Адия совершала два-три выхода с неизменным успехом. На любопытство товаров не имевшая собственной скотины новая предпринимательница неохотно делилась, что покупает мясо на рынке в городе, а частью по дешевке у знакомых в соседнем селе, только что забивших свою корову.

При неизбежных расспросах об исчезновении мозолившего прежде всем глаза непутевого сынка она оживлялась и с видимой готовностью подробно излагала свои семейные новости. Наконец-то ему повезло, нашел хорошую разведенную женщину, аж из самого Лимана, на сто километров южнее, правда, немного постарше себя и с ребенком. «Подженился» и подался чабановать с ней на Черные Земли. А сама Адия собирается к ним в гости, вот и решила немного подработать на пирогах.

Ее предпринимательская деятельность продолжалась с неделю-другую, а затем и она внезапно исчезла, не простившись ни с кем из соседей, с которыми и до того почти не общалась. Про ее отсутствие узнали по наглухо закрытым целыми днями и больше никогда не открываемым по утрам ставням.

Все это живо припомнилось после страшной находки в доме горемычной женщины. Кто-то слышал о ее единственной родственнице, проживавшей в городке в десятке километров к северу от областного центра.

Полицейские обнаружили ее там без труда, Адия и не думала скрываться, даже сразу призналась в совершенном. Охотно и многословно отвечала на все вопросы, словом, сотрудничала со следствием, если ее большей частью бессвязные речи можно было так назвать.

Убившую собственного сына отправили на психиатрическую экспертизу в закрытый стационар, после которой в нем и оставили для лечения. Месяца через три Адия в той больнице и умерла, не дотянув до окончания следствия и суда. Патологоанатом обнаружил «острую сердечную недостаточность».

Как только водители маршруток, не раз покупавшие у нее беляши, узнавали, каким фаршем она пользовалась, желудок каждого из них, даже спустя столько времени, немедленно и непроизвольно выворачивало наружу. Все как один перестали покупать завтраки и обеды на конечной остановке, и здешним хозяйкам пришлось свернуть свое предпринимательство.

Джамшут и Равшан закончили до наступления холодов внутреннюю отделку дома, вместе с оговоренной платой получили назад паспорта и довольные уехали на родину к своим семьям. Как ни приглашал радушный председатель поселкового совета вернуться на следующий год для новых свершений, они искренно надеялись больше никогда не приезжать именно в эти края. Разве мало в огромной России других мест, где найдется применение для их умелых рук!